

● К 100-летию со дня рождения

Искусство Качалова

За долгую мою жизнь было у меня немало встреч с самыми разными людьми. Были и такие, при воспоминании о которых становится радостно и невольно чувствуешь себя внутренне благороднее, чище, добрее. Не говорю уже о счастье, выпавшем на долю мхатовцев нынешнего старшего поколения, счастье работать под непосредственным руководством великих основателей Художественного театра — К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, учиться у них.

И выдающиеся мастера — О. Л. Книппер-Чехова, И. М. Москвин, В. И. Качалов, Л. М. Леонидов — дарили нас своей дружбой. А самым душевным и щедрым по отношению к молодым был Василий Иванович Качалов. С первого же момента нашего прихода в театр он хотел, чтобы отношения у нас с ним складывались теплые и дружеские, он даже требовал, чтобы мы называли его «Вася» и говорили «ты». А мы чувствовали, что это невозможно: он — великий актер, намного старше нас годами, мы перед ним — мальчишки и девочки.

Мне думается, что я не вправе своим «актерским языком» говорить о ролях Качалова: о его творчестве много написано, искусствоведы и критики будут писать еще и сделают это лучше меня. Но я не могу не вспомнить о выдающихся сценических созданиях Качалова: Бароне («На дне» М. Горького), Тузенбахе («Три сестры» А. Чехова), Чацком («Горе от ума» А. Грибоедова), Иваре Карено («У врат царства» К. Гамсуна) и других. Все они несли в себе свет больших гуманных идей, отличались высокой поэтичностью, глубиной и правдой «жизни человеческого духа», как требовали наши великие учителя.

Он был истинным актером МХАТа по духу, по реалистической в целом направленности своего искусства. И так же, как нельзя представить себе МХАТ без Качалова, на сцене которого он играл в течение 48 лет своей артистической жизни и где создал свои лучшие образы, так же нельзя представить себе и Качалова без МХАТа.

Он был образцом для нас не только в творчестве, но и в отношении к искусству горячо им любимого Художественного театра, отношении поистине рыцарском, преданном, жертвенном. Человек исключительно доброжелательный, очень мягкий в своих оценках, в подходе к актерам, он вместе с тем никогда не прощал равнодушия, нетребовательности к искусству. А уж к себе был до чрезвычайности требователен.

Я часто думал: жаль, что Василию Ивановичу с его огромной идеей добра, которую он пронес во многих своих сценических образах, не удалось воплотить, например, образ Дон-Кихота. С бессмертным героем романа Сервантеса Качалов встретился только в радиопередаче, записанной на пленку более тридцати лет назад и известной уже не одному поколению слушателей. В этой передаче мне выпало счастье быть его партнером, я исполнял роль Санчо Пансы. Помню, как во время записи передачи близкий

друг Качалова режиссер О. И. Пыжова (она ставила эту передачу совместно с Б. В. Бибиковым) сказала Василию Ивановичу:

— Ты немножечко впадаешь в декламацию, а вот смотри: Михаил Михайлович идет по маленьким правдам.

И тут мы впервые увидели Василия Ивановича обиженным, он возразил:

— Боюсь, что за этими маленькими правдами исчезнет большая поэзия.

Эти слова заставили меня задуматься, конечно же, артист был прав. Вспоминаю, как талантливо, ярко репетировал Качалов. К сожалению, несовершенная в то время радиотехника помешала записать исполнение в полную силу...

После Великой Октябрьской революции Качалов создал на сцене МХАТа замечательные образы — партизана Никиты Вершинина в «Бронепоезде 14-69» и большевика Артема Аладьина в «Блокаде» Вс. Иванова, а в таких ролях, как Николай Первый в пьесе «Николай I и декабристы» А. Кугеля и Захар Бардин во «Врагах» М. Горького, по-новому зазвучали острообличительные стороны его таланта.

Особняком стоит роль Чтеца от автора, сыгранная Качаловым в инсценировке «Воскресения» Л. Толстого. Это образ большой глубины, философской наполненности и жизненной мудрости.

Качалов всегда любил поэзию, искал в ней высокую героиню. Он был дружен со многими современными ему поэтами, читал с эстрады Блока, Маяковского, Есенина, Багрицкого, Николая Тихонова, Твардовского и многих других.

Слушать чтение Качалова для нас было огромным наслаждением. И не только для нас. Вспоминается такой случай. Художественный театр, где бы ни был на гастролях, всегда встречался с футболистами «Спартак» — в Ленинграде, Киеве, наконец, Париже. Как-то в Ленинграде ко мне в номер гостиницы «Астория» пришли известные спортсмены — Андрей Старостин и другие, были некоторые из актеров нашего театра. Мы долго разговаривали, потом стали читать. А в соседнем номере жил В. И. Качалов. И вот раздался стук в дверь: Василий Иванович услышал, что за стеной кто-то читает, и пришел к нам. Он сказал: «Если позволите, я хочу присоединиться». И попросил разрешения почитать... Спортсмены обрадовались и растерялись, на завтра — ответственный матч, а время позднее. И все-таки никто из них не ушел. И Качалов читал стихи едва ли не до утра. Мы слушали в его исполнении Пушкина, Маяковского, Есенина, Багрицкого. И это навсегда осталось в памяти.

Как утверждает теперь Андрей Петрович Старостин, Глазков и Степанов никогда не играли так хорошо.

Вот какое воздействие оказывало искусство Качалова: он брал людей в плен, завораживал, придавал им силу своим исполнением.

М. ЯНШИН,
народный артист СССР